

Силим Кам

Сновидец

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Силим Кам

Сновидец

«Автор»

2015

Кам С.

Сновидец / С. Кам — «Автор», 2015

Меня зовут Алек Сомна. В моем мире существует не так много вещей, к которым я на самом деле привязан. Я работал курьером, потому что люблю виски и скорость - точно в такой последовательности. У меня непримечательная внешность, я плохо умею улаживать конфликты, тяжело схожусь с людьми, зато могу перечислить все кабаки своего города. Да-да, это моя суперсила. Правда, после пережитой аварии к ней добавилась еще одна. Я стал видеть сны, которые и не сны вовсе. Это тяжело объяснить. Я оказался способен читать ткань мироздания и находить в ней ответы на любые вопросы. С тех пор моя жизнь круто изменилась...

© Кам С., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава I	5
Глава II	15
Глава III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Силим Кам

Сновидец

Глава I

Как всегда, все началось с выпивки. Джонни любит гулять¹ – в пабе «Роговица» на углу улицы Белибаста² и Ватиканского бульвара, все это знают. Поэтому когда один из поздних клиентов отказался от своего заказа, я был настолько измотан, что оставшихся силенок мне хватило лишь на короткую дорогу к этой тошниловке.

Работая курьером, я облазил этот город и его окрестности вдоль и поперек, и наперечет знал все его приличные заведения, терпимые кабаки и грошовой барыжники (в активе собственных достоинств это качество стояло на третьем месте). Но данное место, к стыду своему, я видел впервые. Даже вывески такой мне никогда не встречалось. Что это за название: «Роговица»? Здесь что, проходят тематические вечеринки для людей с хреновым зрением?

В тот момент, когда я переступил порог этого «благородного дома», мои ноги стали совсем деревянными и напоминали костыли, только что при ходьбе не гремели. Поэтому мне было плевать, как называется паб, и кто им владеет – хоть сам дьявол, лишь бы бухло продавали не разбодяженное.

Народу в «Роговице» было немного, в основном старики. Они дымили своими самокрутками в одиночестве, иногда прикладываясь к бутылкам с элем. Тихо играла музыка, Grateful Dead³ или другое «хрычевское» дерьмо – я никогда особо в подобные стили не врубался. Тоже мне, кайф: обкуриться до полусмерти, а потом пилить одну и ту же тему по 20-30 минут... Короче, тоска.

Я сел прямо за баром. Даже не сел, рухнул на табурет, словно только что пропустил подсечку. Боль вонзилась в колени острыми булавками. Я пытался терпеть, но анестезия была необходима.

Бармен подвалил неожиданно, будто бы вырос из-под земли. Такой же седой, как и вся местная публика, с обвислыми белыми усами и в дурацкой ковбойской шляпе. Взгляд, правда, у него был жесткий, как звенья цепной пилы – наверняка уголовник, из отсидевших.

– Налейте мне виски, сэр, – сказал я как можно небрежнее. И зря: в таких случаях голос у меня звучит фальшиво и звонко, как у 15-летнего пацана. Не очень убедительно, одним словом.

– А ты не молод для виски-то? – прохрипел бармен. В глазах его читалось не просто недоверие – он меня чуть ли не на хер посылал. – Удостоверение личности у тебя есть?

Конечно, оно у меня было. Рабочая карточка, водительские права на мопед, даже паспорт приходилось носить с собой, ведь народ вокруг постоянно сомневался в моем статусе взрослого человека. Всему виной моя гребаная внешность: в свои 27 я выглядел лет на 19, и то с натяжкой. Даже чертовы прыщи по-прежнему гнездились на моем лице, как у страдающего спермотоксикозом подростка, хотя весь этот гормональный кошмар я давно пережил. Поэтому всякий раз, когда мне нужно было сделать мало-мальски серьезную покупку, приходилось извлекать весь этот впечатляющий набор макулатуры и доказывать клиенту/кассиру/бобби-копу/и-даже-мудаку-бармену, что я полноценный член (хе-хе) этого общества.

¹ Намек на Johnnie Walker, известную марку скотча (Шотландского виски); здесь и далее прим. авт.

² Гийом Белибаст – последний проповедник Лангедока (историческая область на юге Франции, часть Окситании) из секты катаров. Сожжен на костре в период между 1321 и -22 гг.

³ Grateful Dead – рок-группа из Америки, внесшая ощутимый вклад в зарождение психоделической музыки. Известна своими длительными концертными импровизациями. Пик творчества пришелся на 70-е года XX века.

Я набрал полную грудь воздуха, многозначительно выдохнул. Потом небрежно потянулся к заплечной сумке и оттопырил боковой карман. Пусто... Ни паспорта, ни гребаных водительских прав на мопед, ни даже рабочего удостоверения! Что, к хренам собачьим, происходит?!!

Я стал лихорадочно прикидывать, куда мог подевать свои чертovsky документы. Память работала плохо, спотыкаясь на каждом шагу. Ни дать ни взять задымившийся компьютер, кашляющий на операционке Windows 95⁴. С окном на весь экран: «Системе требуется перезагрузка!».

Бармен все так же сверлил меня взглядом. Потом взял тряпку, сделал вполне понятный жест «я умываю руки» и прохрипел:

– Извини, малыш, но детей я не обслуживаю. У меня для таких случаев даже Колы нет. Так что валил бы ты отсюда...

Внутри у меня все кипело. Сегодняшний день по-любому не был для меня одним из лучших. Я хотел сказать этому мудаку, куда ему стоит пойти со своими правилами, но моих сил не осталось даже на то, что слепить сколько-нибудь убедительное ругательство. Я просто сидел на чертовом табурете, понунив голову, и слушал, как гудят от боли мои ноги.

– Ты меня хорошо понял, мальчик? – снова закашлял старик. – Учти, родителям я звонить не буду. Сам тебе помогу уйти, если что...

– Ладно тебе, Сет! Чего ты к малому пристал, геморрой опять разыгрался, что ли? – спасительный голос прозвучал неожиданно, прямо над ухом. – Налей парню то, что он хочет! Разве не видишь, как ему сегодня досталось? И мне еще плесни, раз такое дело...

Старик нахмурился. Упер могучие, синие от татуировок руки в бока, всем своим видом показывая, как ему не нравятся такие благодетельные жесты. Тем более от постоянных клиентов.

– Мелюзги мне здесь еще не хватало! – рыкнул он. – А если бобби⁵ заявятся, ты вместо меня лицензию потеряешь? Он же молокосос, ему по закону пить что-либо крепче чаю не позволено. С чего бы тебе за него впрягаться, Физ?

Тот, кого старик называл Физом, сидел справа от меня. Этот чувак вел себя так тихо, что если бы не заговорил, я б его даже не заметил. Мне хотелось взглянуть на него, сказать, что он зря вступился, что я уже ухожу, но, сделать этого я не смог. Потому что мне было стыдно за все, что здесь происходит.

– Никакие бобби сегодня сюда не сунутся, – тот, кого звали Физ, упрямо гнул свое, – и ты, старый хмырь, лучше меня это знаешь. Сегодня же Самайн⁶ – все порядочные христиане сидят дома, со своими семьями, в том числе и копы. И никому дела нет до разной швали вроде нас. Поэтому завали хайло, Сет (здесь тон незнакомца обрел стальные нотки), и налей нам выпить. Это же бар – здесь пьют, если ты не забыл.

Передо мной тут же выросла стопка с янтарной жидкостью. Я благодарно принял ее, обернулся к своему новому другу, чтобы поблагодарить. Тот лишь кивнул мне и опрокинул в рот содержимое своей стопки, с таким трудом отвоеванное у бармена. Я последовал его примеру.

Жидкость обожгла все нутро. Но вместо приятного тепла, которое должно было последовать за этим, я ощутил тоску, сжавшую сердце. Словно Кэтти Вербински снова ушла от меня, как в ту осень 1985-го. Нужно было срочно выпить еще.

⁴ Windows 95 – графическая многозадачная операционная система корпорации Microsoft, результат объединения продуктов MS-DOS и Windows. Гибридная система, поддерживавшая исполнение 16- и 32-разрядного кода. Была официально представлена 24 августа 1995 года. Поддержка системы прекратилась 31 декабря 2001 года.

⁵ Бобби – так на сленге жители острова Великобритания называют полицию и других служителей правопорядка.

⁶ Самайн (на староирландском Samhain) – кельтский языческий праздник, в дословном переводе означающий «конец лета». С X века стал названием ноября месяца. Больше известен, как Хэллоуин, или «День Всех Святых», отмечаемый 31 октября. Как правило, живые в этот день притворяются мертвыми и весь мир ходит с ума.

– Повтори-ка, мистер Задница! – пролаял Физ, шумно выдохнув. Судя по всему, от этого пошла ему было не лучше, чем мне.

– Малому не налью больше! – старик сказал, как отрезал. Наверное, поведение моего нового друга сильно ранило его самолюбие.

– О боги, за что вы караете меня общением с этим дуболомом?! Расслабь ты уже ягодицы! Свой это парень, свой. Я его знаю – он из службы доставки United Company⁷. А если он там работает, значит с его возрастом все в порядке, разве нет?

Последняя фраза предназначалась мне. Но моя глотка находилась в продолжительном шоке от знакомства с местным бухлом, поэтому я просто кивнул.

– Видишь, – сказал за меня Физ, – полный порядок...

Я думал, что старик продолжит упираться и злостствовать, но вместо этого он бухнул перед нами початую бутылку Johnnie Walker и со словами «сами себя обслужите» отвалил куда-то на другой край барной стойки.

Физ быстро разлил содержимое по стопкам. Поднял свою, затем посмотрел на меня, приглашая. Я снова кивнул.

– Твое здоровье, пацан, – прозвучало в ответ.

После нового глотка я вдруг обрел утраченную способность говорить и связно мыслить, зато перед глазами все плыло. Странное здесь подают пойло... Определенно странное.

– Что, видишь плохо? Это с непривычки. Просто макни палец в эту сивуху и помажь ею веки – полегчает.

Нотки озорства в голосе моего нового друга сменились тем ледяным, не терпящим возражений тоном, который заставил бармена повиноваться. Здесь я ничем от старика не отличался: послушно макнул палец в стопку, обнаружив, что она снова полна, а затем протер им глаза, предварительно сомкнув веки. При этом я старался постичь всю глупость ситуации, но когда окружающие меня предметы вновь обрели четкость, все мысли вдруг выветрились из головы. Наверное, так себя чувствовала Алиса, пробуя чудодейственные микстуры в Зазеркалье...

– Знаешь, недурственное сравнение, – отозвался Физ, смакуя свою порцию виски. – Даже я не сказал бы лучше, хотя дегустировал здесь много чего!

«Все страньше и страньше...»⁸, – сказала бы моя героиня, если бы кто-то вдруг прочитал ее мысли. Я же просто решил, что сказал это вслух, хотя и здесь уверенности у меня не было. Поэтому я просто выпил еще.

– Ну, давай познакомимся, что ли? – предложил мой новый друг, хотя я даже не знал, почему так его называю. – Макс Физ, музыкант, взявший безвременный отпуск.

После этих слов он вскочил со стула (и оказался гораздо выше меня), приложил ладони к губам, будто бы посылая невидимой публике воздушные поцелуи, затем карикатурно поклонился. Несмотря на то, что этот «музыкант» откровенно валял дурака, каждое его движение было исполнено того самого величия, присущего Стивену Тайлеру или Мику Джаггеру⁹, любой жест которых (вынужден это признать) выглядел ослепительно. Мой новый знакомый все еще находился в тени, и я не мог как следует его рассмотреть, но чувствовал, что в нем достаточно не только харизмы, но и самого высокого класса, который только можно встретить в людях.

– Теперь твоя очередь, – сказал Физ, чокаясь наполненной стопкой. – Язык, надеюсь, у тебя не отсох?

⁷ Выдуманная служба, в которой Алек трудился до того, как встретился с М. Физом.

⁸ «Все страньше и страньше, все чудесатее и чудесатее», – крылатая фраза главной героини романа-фантазмагии «Приключения Алисы в стране чудес»; автор Льюис Кэрролл.

⁹ Стивен Тайлер – вокалист и сонграйтер рок-группы Aerosmith (США), известный своим эксцентричным поведением, яркими нарядами и микрофонными стойками с привязанными к ним шарфами; обладатель самой большой пары губ в истории рока. Мик Джаггер – вокалист британской рок-группы The Rolling Stones, так же основатель нью-йэдж формации SuperHeavy. Обладатель второй по величине пары губ в мировой истории рок-музыки.

Я словно очнулся ото сна. Тряхнул головой, собирая мысли в кучу. Застыл в нерешительности, не зная, что сделать первым: выпить, или назвать свое имя. Странно, ведь никогда раньше за мной подобного не наблюдалось. Я легко сходился с людьми, и расставался с ними безболезненно. В основном.

– Алек Сомна, – наконец, определился я, – временный курьер United Company.

Затем я отправил новую порцию виски исследовать мои внутренности. На удивление, в этот раз все тело отозвалось благодарным теплом. Стало быть, подружился... Дальнейший диалог был, пожалуй, самым необычным в моей жизни. Но не единственным, как я смел надеяться.

– Любопытная у тебя фамилия, – оживился Физ. – На латыни это означает «Видящий»¹⁰, по крайней мере, корень тот же. Хотя слово искажено. Может, твой род ведется от сербов? Хотя нет. Скорее всего, ты какой-нибудь викинг...

– Не знаю. Не особо вникал во все это.

– Напрасно. Имя – то небольшое, что дается нам в пожизненное пользование и имеет настоящую силу. Правильно распорядиться собственным именем – большой плюс на этом пути...

– Ну и какую же пользу вы извлекли из своего? Можете напугать кого-то до усрачки силой мысли?

Макс вперил в меня свои глаза, утопающие в тени лица, и ухмыльнулся:

– В том числе...

Я даже не стал это комментировать. Экцентричность рок-звезд давно вошла в разговорку, и если парень имел хоть толику известности The Ramones¹¹, то градусник его самолюбия должен зашкаливать. И отчего-то мне казалось, что я уже слышал имя Макса Физа...

Я пошарил глазами перед собой, не зная, что ответить. С удивлением обнаружил, что напротив меня висело огромное зеркало, в котором расположились предметы за стойкой, отраженные в полумраке. Затем я почувствовал мощное притяжение этой гладкой зеркальной поверхности. Мне до боли захотелось увидеть и свое отражение в ней.

Пытаясь сопротивляться, я перевел взгляд на бутылку. Та оказалась полной еще на две трети, хотя при таком темпе мы бы должны были ее ополовинить...

Взгляд на Физа. Затем на свои ногти. И опять на зеркало.

Не скажу, что я человек из пугливых. Совсем нет, наоборот даже – мне по барабану слишком многое. Может, поэтому меня так загружают на работе, ведь я езжу туда, где почти все остальные натурально очкуют появляться. Но в тот момент, когда я прошелся взглядом по такой манящей поверхности зеркала, я вдруг по-настоящему понял значение фразы «волосы зашевелились на голове». Я до мельчайших подробностей ощутил их движение, наверное, даже услышал треск электрических разрядов, с которым нейроны моего мозга лопались от страха. Это был истинный, неподдельный ужас, познать который мне еще не доводилось. Да и как вообще можно пережить ЭТО?

Ведь там, в зеркале, вместо привычно отраженных предметов, вращался большущий ГЛАЗ! ОКО. Дергавшееся и подпрыгивающее на длинной ножке глазного нерва. Мерзкий зрительный орган без хозяина осмысленно вращался, демонстрируя сетку лопнувших кровеносных сосудов и обнаженную радужку карего цвета. Когда эта ЖУТЬ вперила свой взгляд в меня, то как будто прожгла насквозь, словно сделала рентгеновский снимок моей души (хотя до этого

¹⁰ Физ ошибается. На самом деле, «somna» в переводе со шведского звучит, как «мечтать». А «видеть» на латыни – это *vide* или *videre*.

¹¹ The Ramones – одна из ключевых групп первой волны панк-рока, оказавшая огромное влияние на музыкальную сцену конца 70-ых начала 80-ых. Несмотря на то, что последний альбом группы был издан в 1995 году, она до сих пор популярна по обе стороны Атлантики. Наследие The Ramones неоднократно перепевалось лучшими рок-музыкантами планеты, а песню «Blitzkrieg Vor» хотя бы раз слышал всякий, у кого дома есть радиоприемник.

момента я даже не был уверен в существовании оной). Прочувствовав невыносимый взгляд этого... ГЛАЗА, я вдруг понял, откуда взялось название паба. «Роговица» – лучше не скажешь!

– Ну как, начинаешь понимать смысл услышанного? – голос Физа заставил меня оторваться от, пожалуй, самого страшного зрелища в моей жизни (наивный, если бы это было так!)

Мне едва удалось заставить себя посмотреть на моего нового друга. Я боялся, что вместо него увижу еще какой-нибудь гипертрофированный орган, но нет: передо мной сидел настоящий человек. Из плоти. И крови.

– Они что, из мухоморов эту бормотуху делают? – с надеждой прохрипел я.

– Не думаю, что тебе понравится полный состав ингредиентов. Я и сам владею не всей информацией. Еще накатим?

Конечно, мы выпили снова. По одной. По второй. По третьей. Еще и еще. Выпивка не пьянила, а наоборот, обостряла все чувства. Во мне опять проснулась страсть исследователя, но я как мог, сдерживался, чтобы не смотреть по сторонам: не хотелось еще раз встретиться с ГЛАЗОМ.

– Да ты не бойся, нет его больше! – сообщил мне Физ, заметив, как усердно я рассматриваю свои ногти. – Я бы обошелся без демонстрации, но другого способа тебя убедить просто не было.

Снова страх. Снова треск нейронов.

– Так это твоя работа?! – вспылил я, чувствуя, что меня поимели. – Типа хреновой иллюзии или кривых зеркал?

Макс слишком долго катал свою стопку с янтарной жидкостью, словно переваривая какую-то мысль. По его скулам даже желваки ходили от напряжения.

– Знаешь, Алек, тебе пора бы начать всерьез относиться к тому, что я говорю. Иначе я просто потеряю интерес и оставлю тебя здесь, чтобы разгребать все дерьмо самостоятельно...

– Какое дерьмо? О чем ты?

– О том, что ты не совсем представляешь, в какой ситуации оказался.

– Ситуации? Я знаю, в какой я оказался ситуации – я бухаю с психом! Который к тому же хрень какую-то подмешал в это пойло, и у меня теперь глюки! Чего тебе от меня вообще надо, козел?!

Макс опустил глаза. Пробормотал что-то сквозь зубы. А когда я снова увидел его лицо, то едва сдержался, чтобы не закричать, ведь из его глазниц шипели раскаленные угли.

– Я спишу твою грубость на шок неприятия, – громыхал он жутким голосом, от звука которого у меня сморщились яйца. – Но впредь советую хорошенько подумать, прежде чем ТАК со мной разговаривать.

Мне хотелось провалиться сквозь чертов пол от пережитого страха. Я думал, что все это время пил с дьяволом. Но не успело мое бедное сердце отстучать и пяти ударов, как передо мной снова возник ухмыляющийся Макс Физ. И он опять предложил выпить.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – продолжил он своим раскатистым, с хрипотцой, баритоном. – К примеру, ты удивляешься потере своих документов. Спешу тебя обрадовать: они все так же при тебе, как и та покореженная Vespa¹², за которую ты по глупости отвалил почти 29 сотен фунтов. Просто эти вещи не так ценны, чтобы взять их с собой, например, в ЭТО место...

Я понятия не имел, о каком месте говорит мой собутыльник, но осознание того, что он знает факты моей биографии, никому, кроме меня не известные, злило и пугало меня до усрачки. Может быть, даже сильнее долбанного ГЛАЗА.

¹² Vespa – мотороллер итальянского производства, являвшийся в послевоенной Европе (1946 г.) многофункциональным транспортным средством. Благодаря элегантному дизайну, простой конструкции и малой цене вошел в реестр национальных достижений и со временем приобрел почти такой же статус, как все главные достопримечательности Италии, вроде Колизея, Флорентийского собора или Пизанской башни.

– И почему эта тошниловка стала такой для тебя особенной, – отозвался я, шипя, как масло на сковородке, но выбирая, по возможности, выражения. Мне очень хотелось уйти, но задница была словно приклеена к стулу.

И если я думал, что испытал все ужасы этого вечера, то ответ безжалостно развеял эти мысли. Он прозвучал неумолимо и резко, как взмах скальпеля.

– Потому что его не существует в реальном мире, дружок. Оно тебе снится. Как я. И старина Сет. Ты в коме, приятель. И здесь никому на хрен не нужны ничьи удостоверения личности. . . , – он сделал многозначительную паузу, а потом добавил:

– Еще по стопочке?

Согласно традиции этого вечера, я не знал, что ответить. Да, слишком многое здесь было странным: эти бормочущие старики, что выглядели так, будто у них вот-вот сползет вся кожа с черепа; этот пузырь Johnnie Walker, который и виски-то ни разу не был; эта полудохлая музыка; наконец, мой чудной приятель – от него просто несло сумасшествием! И все же было в его словах что-то, что заставило меня усомниться в окружающей реальности.

Мне следовало как-то проверить это и убедить себя в обратном. Я пошарил в карманах в поисках зажигалки – стильный Ronson¹³ в длинном полированном корпусе покоился в правом нагрудном, где ему всегда было место. Курил-то я не часто, зато с малолетства усвоил, что иметь под рукой качественную зажигалку – всегда хороший тон.

Стараясь действовать незаметно, я извлек Ronson наружу. Легкий щелчок сразу же выдал пламя – маленькое чудо в мире неживых громоздких вещей. Я посмотрел на него с благодарностью. Огонь всегда меня завораживал, независимо от того, из какого источника он появлялся. Затем я сунул в него левый мизинец.

Боль последовала незамедлительно. Острая. Обжигающая. Странно, но ее ощущение на собственной коже меня успокоило. Руку хотелось отдернуть, но я боролся с собой еще какое-то время – чтобы наверняка. Дурацкий способ удостовериться, на каком ты свете, но это лучшее, что я смог придумать.

– Напрасно ты это сделал, – раздался знакомый голос в моей голове. – Я бы посоветовал тебе избегать любых травм и увечий. Потому что вред, нанесенный в мире, скажем, бессознательного, отразится на тебе напрямую. Не стоит сознательно причинять ущерб своему разуму или телу, когда это с удовольствием попытаются сделать другие. . .

А вот эта мысль мне понравилась! Хотя я был почти уверен, что Физ даже рта не открыл, чтобы донести ее до меня. Он вроде бы снова проделал этот свой фокус с телепатией.

– Хм, а ты не такой осел, каким хочешь казаться! – теперь его голос звучал бодрее. На всякий случай я посмотрел в его сторону. Макс лишь отсалютовал мне рюмкой, не разжимая губ. – Несмотря на то, что отказываешься признать, будто все это происходит у тебя в голове, ты соглашаешься на обмен мыслями, которые (смотри не усрись), опять же, звучат у тебя в голове!

После этих слов он рассмеялся, да так громко, что в ушах зазвенело. Еще один быстрый взгляд в его сторону. Напрасно: в силуэте моего нового друга ничто не изменилось.

– Знаешь, – снова продолжил Физ, – эта ситуация напомнила мне обложку одного детского комикса: Микки и Гуфи рыбачат, сидя в лодке, в то время как аист приносит им журнал, на котором видно, как Микки и Гуфи рыбачат, сидя в лодке. Причем им тоже аист приносит журнал, на котором изображена такая же картина. Понимаешь?

¹³ Ronson – американский производитель элитных зажигалок. В 30-ых специализировался на настольной продукции, позже начал выпускать карманные аналоги Zippo. Зажигалки этого бренда отличаются элегантным корпусом, выполненным исключительно в металле.

Это закольцованный ассоциативный ряд образов. И если бы у этих мультяшных персонажей были мозги, то каждый из них считал бы себя реальнее другого. Поди разберись, какой из многочисленных Гуфи и Микки прав! Может, они все. А может никто? Непростая задачка...

Несмотря на то, что я ловил каждое слово своего нового друга, ход его мыслей я потерял. Наверное, всему виной было количество выпитого (мы почти прикончили чертову бутылку), но где-то в середине его монолога, который, как ни странно, звучал только в моей голове, я вдруг подумал о другом. Только на секунду допустив, что все, о чем говорит мне Макс – правда, я решил принять правила игры и отпустить контроль своего рационального сознания. Поэтому первой мыслью, которая пришла на ум, когда я находился в новом для себя образе, была о Матрице¹⁴.

Я вспомнил тот эпизод из фильма, когда Нео, отправившись на первую встречу с Пифией, столкнулся с обритым наголо пацаном. Он-то и показал спасителю миров трюк с гнутой ложкой, шепнув, что будто бы все обман, и ложки на самом деле не существует. Отчего-то мне так сильно захотелось сотворить нечто подобное, что аж в заднице засвербело.

Как истинный пироман, я сразу же потянулся за коробком спичек. Долго не мог решить, что мне нужно с ними сделать: заставить спички плясать, или бить поклоны? Наконец, остановился на втором варианте. Сосредоточился. Высыпал на столешницу весь коробок. Злобно на него посмотрел. Напрягся. Даже руки в его сторону вытянул. Без толку.

Вдруг подумал, каким же кретином я выгляжу со стороны. Позволил себе хихикнуть. А потом подумал, что спичек этих не существует. Не просто подумал, а поверил в это. И когда в следующий раз на них посмотрел, они разов вспыхнули голубым светом. И сгорели. Все. За раз.

– Эй, вы там бар мой решили поджечь?! – сердито заорал Старик. – Завязывайте с этим дерьмом, а то выставлю наружу!

Макс примирительно поднял ладони, успев при этом мне подмигнуть.

– Все в порядке, Сэт! Пролилось немного твоей настойки, и она загорелась, когда я подкуривал, – он даже потряс в воздухе неизвестно откуда взявшейся сигаретой. Затем обратился уже ко мне. – Ну, будем считать, что суть ты уловил, и экзамен сдал... (он задумался) на троечку. С плюсом.

– Почему?

– Потому что из своего мыслеобраза ты упустил главное. Парнишка сказал Нео: «На самом деле согнуть ложку невозможно... Но все дело в тебе», – Макс назидательно поднял палец и презрительно скривился, – а ты повелся на дешевые спецэффекты. Тебе придется научиться видеть суть вещей, а не их оболочку.

По моей коже пробежали мурашки. В голове снова защелкали электрические разряды. У меня больше не было претензий к Максиму Физу, будь он виртуозным фокусником или настоящим телепатом, хотя его привычка вещать из моей головы просто сводила с ума. Теперь я считал сумасшедшим уже себя. А значит, терять мне было нечего.

– Как ты узнал, что я работаю в службе доставки?

Макс широко улыбнулся. Похоже он понял, что я включился в его игру.

– Потому что я могу читать твои мысли. И потому что из твоей сумки торчит пачка бланков с логотипом United Company, – на этот раз он сказал это вслух, и я был за это признателен. – Уж не знаю, который из вариантов тебе больше нравится. Выбирай на свой вкус.

– Ты можешь читать мысли всех людей?

¹⁴ Матрица – трилогия фильмов братьев Вачовски (1999 г., 2003 г., 2003 г.), снятая в жанре киберпанк. Повествует о ложной реальности привычного мира, навязанной людям в виде компьютерной программы. В действительности же миром правят машины, для которых погруженное в анабиоз человечество – лишь батарейки. Безрадостная перспектива, правда?

– Зависит от ситуации. Человек может не знать, где находится, но обладать серьезными защитными рефлексам (своего сознания в том числе). И если уж говорить на чистоту, то твои мысли я вижу четко лишь потому, что ты сам это мне позволяешь. Более того, ты этого хочешь.

– С чего бы мне этого хотеть? – я пытался осмыслить сказанное, но вопросы лились из меня, будто вода из прорванной плотины. Все приходилось домысливать на ходу.

Макс крепко затянулся сигаретой, вновь появившейся в его пальцах. Казалось, что он не горел желанием вскрывать сразу все карты. А может, он просто хотел, чтобы я так думал. Какая изумительная у меня паранойя!

– Скажем так, ты жаждал оказаться там, где сейчас сидишь. Я тебя услышал, и пошел навстречу.

А вот это не было правдой – ничего такого я не хотел, о чем и поспешил сообщить моего новому лживому другу:

– Что-то я не припомню, чтобы мечтал оказаться в засранном пабе с дебильной музыкой и психованной публикой. Все, что мне было сегодня надо, это закончить развозить заказы к 23:00 и успеть к Луизе до того, как она найдет мне замену!

– Разве это желания? Потрахаться? Заработать пару фунтов на мелочевке? Вкусно пожрать? – Макс вновь скривился, точно у него во рту был огромный кусок лайма. – Это инстинкты, друг мой, да еще самые примитивные. Я говорю о ЖЕ-ЛА-НИ-И. Настоящем. Истинном. Неподдельном.

Его слова повисли в воздухе, будто кто-то поставил этот фильм на паузу. Шестеренки моих мыслей вращались медленно (я даже слышал их скрип и тархтение), но и этой малости было достаточно, чтобы понять, о чем именно толковал Макс. Ведь я сам размышлял об этом. Долгими одинокими ночами, когда время медленно сочилось сквозь пальцы, а я все не мог уснуть. Несмотря на дикую усталость, в глаза мне тогда будто вставили спички. Я лежал в тишине, ожидая восхода солнца, и считал часы до рабочей смены. И только один вопрос не давал мне покоя: «Неужели это все?!». Перспектива моего жизненного пути казалась пугающе унылой. Ход вещей – бессмысленным. Зато пабы работали круглосуточно, а шлюхи исправно давали, если в кармане было несколько лишних полтинников.

Этот эпизод в моей жизни тянулся уже не один год. И за него мне было стыдно. Это чувство обжигало сильнее пламени «Ронсона». А ведь левому чуваку не понадобилось и пяти секунд, чтобы разложить мою жизнь, будто труп, по мешочкам. Хренов серийный убийца – и тот был бы сейчас милосерднее.

– Ты так много знаешь, да? – заорал я, глотая обиду. – Да все люди так живут, слышишь? Все! Никто нихера не понимает! Нас просто швыряют в этот гребаный мир, как рыбу на берег! И все, что мы можем, это хватать пастью воздух и приспособливаться! И не делай вид, будто ты лучше других! Все врут, слышишь?! ВСЕ!!!

– В точку! Именно этого ты и хотел! Не быть таким, как все!

Макс оживился и быстро расплескал остатки янтарной жидкости из бутылки по нашим стопкам. Впервые я увидел, что его длинные пальцы дрожали, как у наркомана в период ломки. Наверное, эта часть разговора тоже давалась ему непросто.

– Сейчас я опишу тебе этот момент, и ты все увидишь сам, – сказал он, уставившись мне прямо в глаза. – Ты стоишь на перекрестке Орфевр, в крайнем правом ряду. Ждешь, когда загорится зеленый сигнал светофора. До твоего поворота еще секунд 40. Ты смотришь вокруг – на людей, на машины, на потоки смердящего газа, что струятся из труб. Смотришь на серое небо. На бомжа, который кланчит милостыню. И от всей души молишь богов, чтобы твоя жизнь перестала быть обыкновенной. Скучной. Методично стремящейся к смерти.

Так вышло, что услышал тебя именно я. И со знанием дела скажу: благодари за это небеса и землю. Потому что здесь (он неопределенно обвел пространство рукой) водятся такие создания, к которым не стоит приближаться и на сотню световых лет...

Так вот, я тебя услышал и я заставил водителя красного MINI Cooper¹⁵ вырुлить на встречу и подрезать тебя на скорости 50 миль/час. Из-за низкой посадки этого автомобиля ты перелетел через его крышу и растянулся на проезжей части. Но голову не разбил, потому что исправно надеваешь шлем (молодец!). Врачи считают твоё состояние удовлетворительным. Но чтобы их не нервировать, ты должен прийти в себя уже через пару минут.

– Ты хочешь сказать, что я в коме?!!

Физ вновь скорчил недовольную рожу, но опустил глаза.

– Технически – да, – согласился он. – Но сделать это было необходимо, чтобы наш разговор состоялся...

– Технически! – я не мог поверить, что в данный момент был «припаркован» к больничной койке с этим проводниковыми трубками по всему телу. – Технически! Урод чертов, а если бы что-то в твоём волшебном плане пошло не так?! Что если этот MINI-мудак превысил бы скорость на пару-тройку миль, и я навсегда бы остался овощем? Или вообще умер?!!

Такой ярости, что охватила меня в этот момент, мне ещё чувствовать не приходилось. Даже когда засовывал слабительное в пончики, которые отбирал у меня школьный бичуган Слай Шитман. Странно, что за один беспокойный сон я слишком многое почувствовал впервые. Мне показалось, что если я захочу сейчас, то смогу причинить боль своему новому «другу». Мучительную боль...

– Пойми, так нужно было сделать, – голос Макса дрогнул (или мне показалось). Наверное, он тоже почувствовал силу моей ярости и решил замять дело, пока не дошло до драки. – Иначе ты ничего бы не понял. А время – слишком ценный ресурс, чтобы тратить его на бесконечные намеки и убеждения. К тому же, все обошлось...

В моих глазах плескалась лютая злоба. На миг я представил себя Зевсом, метаящим молнии. Но даже этой малости хватило, чтобы табурет, на котором сидел Макс, загорелся. Тот мягко прыгнул с охваченной пламенем поверхности и извлек откуда-то огнетушитель. Струя белой пены, что брызнула из раструба, подействовала умиротворяющее и на огонь, и на того, кто его вызвал. То есть на меня.

– Значит, поэтому Старик не хотел пускать меня в свой бар?

Макс довольно кивнул. Ему нравилась эта моя перемена.

– Типа того. Знаешь, он вроде змея-проводника из легенд индейцев навахо. Дает людям пристанище перед их путешествием в..., – он на секунду замялся, подбирая нужное слово, – в иные миры. А ты здесь, типа, безбилетник, понимаешь?

Я кивнул. Такой ответ меня устраивал. Постоянная прописка в дыре вроде паба «Роговица» – совсем не то, к чему я стремился. Кстати, об этом...

– Так что именно ты мне предлагаешь?

Физ опять затыкнулся. Выпустил большое кольцо дыма, вроде тех, что пускал Гэндальф на крыльчке у Бильбо, когда приезжал погостить в Хоббитанию.

– Ты слишком торопишь события. Пока ещё я ничего тебе не предлагаю. Можешь считать наш маленький разговор предварительным собеседованием. Ну, как при найме на работу, к примеру.

Вот это было уже наглостью. Я снова попытался вспылить, но чертов ублюдок знал, что вся ярость, какая во мне была, уже сошла на нет.

– Ты хочешь сказать, что едва не убил меня лишь затем, чтобы понять, подхожу ли я тебе?

¹⁵ Cooper – спортивная версия малолитражного британского автомобиля марки Mini. Ее konstruировал Джон Кулер (1961 г.), инженер команды Формула-1. Начиная с 1964-го, эта модель трижды становилась чемпионом на сложнейшей гоночной трассе в Монте-Карло. Широкую известность Mini Cooper принесла криминальная комедия «Ограбление по-итальянски» (1969 г.). Картина вызвала большой резонанс, после чего этот автомобиль прочно вошел в мировую культуру. Согласно опросу независимых экспертов, Mini Cooper занял второе место на премии «Автомобиля XX века». С 1994 года и по настоящее время модель выпускается на мощностях BMW, а торговый знак марки, MINI, пишется заглавными буквами.

– В таком виде это звучит как-то бесчеловечно, не находишь?

Он выпустил еще одно кольцо дыма, всем своим видом давая понять, как «много» значат для него мои чувства. Циничный гондон. Теперь, наверное, я был солидарен с миллионами девушек нашей планеты и понял, насколько мерзостно чувствовать, что тебя поимели...

Опять прочитав мои мысли, Физ лишь пожал плечами, а потом заговорил незнакомым голосом:

– Здравствуйте, мистер Сомна! Добро пожаловать в мир живых!

Глава II

Полумрак паба «Роговица» поблек, контуры предметов стали размытыми и скоро исчезли вовсе. Им на смену пришла ослепительная белизна, которая расплескалась в моих глазах от края до края. Но затуманенное сознание мое еще долго хранило на себе отпечаток лица Макса Физа. Этот образ вьелся мне в мозг, как доисторический отпечаток, который не вытравить даже кислотой. При этом я не помнил истинных черт моего нового друга, но был уверен в абсолютной реальности этого человека.

А затем пришло пробуждение. И застало меня врасплох.

– Здравствуйте, мистер Сомна! Добро пожаловать в мир живых!

Незнакомый голос. Бодрый. Радостный. Обнаженные в улыбке зубы. Стерильные одежды и лица. Стены ванильного цвета.

Все это сбивает с толку.

Где я? Конечно, в больнице.

– Как вы себя чувствуете, Алек? Могу я вас так называть?

Обладатель фарфоровых зубов все время задает мне вопросы. Я не знаю, как на них отвечать. Я по-прежнему дезориентирован, окруженный визжащими аппаратами жизнеобеспечения. От света вокруг слезятся глаза. Но им будто все мало: они включают новые и новые лампы, тычут фонариками мне прямо в зрачки. Что они хотят там увидеть? Подтверждение того, что у меня поехала крыша? Я уже начинаю скучать по уютной темноте «Роговицы», чем бы то место ни являлось.

– Вы что-нибудь помните из последних событий вашей жизни?

Все тот же надоедливый голос. Я пытаюсь его игнорировать, но понимаю, что он не отстанет так просто. Ему нужны ответы. Любые.

– Да, – это уже я говорю, – я помню, как ехал на скутере, выполняя очередной заказ, когда этот урод с маленьким членом выскочил на встречную полосу и подрезал меня. Видимо, я упал и отключился...

– Очень хорошо, Алек. Какой, по-вашему, сегодня день?

Голос доктора звучал все радостнее и бодрее, хотя казалось, что больше уже просто некуда. Он постоянно все комментировал, потом записывал, без конца щелкая своей авторучкой. Как же это действовало мне на нервы!

– Когда меня сбила машина, был вечер среды. Надеюсь, я пролежал без сознания не более 10 часов... А значит, сегодня четверг. Верно, доктор?

На этот раз он промолчал. И надолго. Я все еще не мог четко видеть, но слышал скрип пера по бумаге, а значит док из двух зол (говорить и писать) выбрал меньшее – свои записи. Если бы я знал, что заставить его заткнуться будет так просто, то начал бы наш разговор с последнего предложения!

– Не все так просто, молодой человек! В одном вы правы: в календаре сейчас четверг, но только число другое. А именно, 16 ноября 2006 года. То есть вы пробыли в коме более двух недель. Однако, исходя из четкости ваших воспоминаний, и способности логически мыслить, я вижу у вас хорошие шансы на выздоровление. Мы еще какое-то время понаблюдаем вас, проведем ряд тестов... Но я почти уверен, что все они дадут положительные результаты. А пока отдыхайте и набирайтесь сил!

Затем последовало продолжительное молчание, по которому я догадался, что врач наконец-то свалил, хотя шагов и не было слышно. Чертовы больницы! В них мне всегда было не по себе. И все эти люди вокруг (я имею ввиду больных)... Кажется, будто они добровольно явились в Чистилище и ждут, когда Сам пригласит их на аудиенцию.

Приборы противно пикали. Моя бабушка говорила, что они действуют на нее умиротворяюще, на со мной это было совсем не так. К тому же, с недавних пор я стал различать, что к писку аппаратов, измерявших мой сердечный ритм и кровяное давление, добавились другие, и находились они на противоположной стороне бокса. А это означало, что в своей палате я лежу не один.

Зрение возвращалось ко мне медленно, и эта физическая неполноценность угнетала. К тому же я чувствовал себя совершенно разбитым, хотя и провалялся в глубоком беспмятстве полмесяца. Неужели все это время ушло на беседу с моим новым другом?

– Все хорошо, мистер Сомна, – мелодия девичьего голоса зазвучала вдруг россыпью колокольчиков. – Вам что-нибудь нужно?

– Ну, я только что вышел из кратковременной комы. До этого не занимался сексом несколько месяцев. А сейчас мое зрение упорно не желает ко мне возвращаться, чтобы в полной мере восхититься вашей красотой, сестра!

Что это сейчас такое было? Посттравматический шок? Если так, то пусть он продлится подольше. Ведь моим ртом сейчас говорил абсолютно незнакомый мне человек – сильный и уверенный в себе. Короче тот, кем я всю жизнь хотел стать. И судя по мелодичному смеху медицинской сестры, ей этот парень тоже нравился.

– Откуда вы знаете, красива ли я, если не можете толком меня разглядеть? – в ее тоне строгость граничила с кокетством. Раньше этого бы хватило, чтобы развернуть меня на 180° и с позором убежать прочь. Но не в этот раз.

– Девушка с таким чудным голосом просто обязана быть красоткой. По-крайней мере, мне хотелось бы видеть в вас богиню, которая возвращает страждущих к жизни ...

Она приблизилась настолько, что я ощутил легкий цветочный запах, который подходил ей гораздо лучше марлевой повязки. Что это было, ландыш, жасмин? Или другая, неведомая мне разновидность ароматных соцветий? Собственно, я даже не знал, как пахнет этот самый жасмин, но почему-то хотел, чтобы ее запах только так и назывался.

– Чем вы занимаетесь, мистер Сомна?

Вопрос этот звучал двусмысленно. Жизнь наделила меня определенным количеством полезных навыков, но в правила общения с женским полом посвятила лишь поверхностно. Поэтому я не знал, как играть в эти игры. Зато парень в моей голове был гораздо опытнее. И он утверждал, что если не знаешь, что придумать, лучше говорить правду.

– О, я занимаюсь курьерской доставкой. Если вы понимаете, о чем я...

Не знаю, как мне удалось провернуть подобный трюк, но в этот раз объявление собственной никчемности тянуло на Оскара, как минимум.

– А по-моему вы профессиональный соблазнитель, – сказала она мне в самое ухо, вздохнув напоследок так, что мое тело тут же отреагировало. Это была жидкая месть за все четыре месяца воздержания. Кто бы мог подумать, что мой собственный организм устроит мне такую подставу! Да и скрыть конфуз не удалось – простыни, как назло, мгновенно промокли...

Странная это была сцена. Разбитый в говно парень, который пережил кому, при этом две недели не мылся и был даже не в состоянии помочиться самостоятельно. И чудесная, ароматная медсестричка, кокетничающая с бывшим «овощем», только что спустившим себе на пижаму и покрывало. Любая нормальная девушка и на пушечный выстрел не подошла бы к такому «соблазнителю», но эта убежать вроде не спешила.

– Я бы с удовольствием поболтала с вами еще, мистер Сомна, – судя по ее голосу, мою фамилию сестра полюбила сразу, – но я только заступила на дежурство и должна позаботиться обо всех пациентах. Надеюсь, когда ваше зрение полностью восстановится, вы распорядитесь им правильно.

Уверен, что от моей койки она отошла, соблазнительно помахивая попкой.

– А оно восстановится?

– О, не сомневайтесь. Наш организм по-разному реагирует на стресс. Но если вы сумели выйти из комы, то и видеть сможете.

– Последний вопрос, – отчаянно завопил я.

– Да?

– Скажите, кто делит со мной палату?

Сестра задумалась над ответом. По ее голосу я понял, что она улыбается:

– Скорее это вас отправили на подселение. К мистеру Максимилиану Физу, тому самому, что пел в группе F.O.P¹⁶ (Flea Opera Performer; англ. «Вошь Оперного Исполнителя»). Три года назад он впал в наркотическую кому, и теперь числится среди наших VIP-клиентов. Поэтому наслаждайтесь обществом рок-звезды, пока можете. Фанаты всего Королевства продали бы свою почку, чтобы оказаться на вашем месте...

Так я познакомился со своим новым другом еще раз.

Меня выписали из муниципальной больницы спустя шесть дней. С восстановленным зрением, кашей в голове и обнуленной медицинской страховкой. Когда я вернулся домой, среди вороха нераспечатанных писем (в основном со счетами) я нашел и акт о своем увольнении. В службе доставки United Company, видите ли, нужны ОТВЕТСТВЕННЫЕ и ВНИМАТЕЛЬНЫЕ молодые люди, а поскольку нынешняя авария – третья в моем послужном списке, они рекомендуют мне поискать работу где-то еще.

Выплаченной мне двухнедельной компенсации не хватало даже на то, чтобы погасить долг за квартиру, не говоря уже о том, чтобы как-то продолжать свое существование в этом проклятом городе.

Однако была и хорошая новость: я обзавелся подружкой. Элис Роуз, моя почти персональная медсестра, оказалась слишком горячей штучкой. Она оставила номер своего телефона на моем животе, когда последний раз обтирала меня влажными салфетками (к сожалению, в тот момент я еще пребывал в мире грез).

Видимо, она решила, что я поэт или какой-нибудь чудаковатый, рисующий картины пальцами. Я не стал ее разубеждать в этом и пообещал пригласить на «творческое» свидание. Боги, какой же я мудака! Вряд ли настоящие поэты, приглашая своих дам, называют это «творческим свиданием». Но все-таки она клюнула, и мне придется прыгнуть выше головы, чтобы ее удивить.

Раздавленный грузом этих проблем, я не нашел ничего лучше, как пойти знакомой дорожкой, и утопить горе в бутылке. Избегая случайных пабов, я отправился в винный магазин, и, прикупив на последние деньги литровую бутылку бурбона (на виски я даже смотреть не мог), вернулся домой.

Вечер прошел за поглощением алкоголя, жалостью к себе и разбором почты. В одном из нераспечатанных пакетов я обнаружил поэтический сборник некоего Джакомо Леопарди¹⁷, который, видимо, достался мне от недобросовестного клиента. Пытаясь продрасться через все эти поэтические метафоры, я так и уснул – с книгой на пузе.

¹⁶ Flea Opera Performer (аббревиатура, англ., «Вошь Оперного Исполнителя») – выдуманная панк-группа, аллюзия на вполне реальную британскую формацию Generation X (1977 г.). Фронтмен этого коллектива, Билли Айдол, в 1981-ом переехал в США, где сделал вполне успешную сольную карьеру. После выхода ряда его альбомов, образчик тинейджерского телевидения, MTV, сделал Айдола лицом канала. И клипы на песни «White Wedding» и «Rebel Yell» – визитные карточки музыканта, до сих пор находятся в его ротации.

¹⁷ Джакомо Леопарди (1798-1837 гг.) – итальянский поэт романтической школы, переводчик, эссеист. Прожил короткую и крайне несчастливую жизнь, наполненную болезнями и любовными разочарованиями. Несмотря на субъективизм, в своих образах поэт обнаруживал немалую психологическую проницательность. При жизни Джакомо его произведения попали в Индекс запрещенных книг. За дерзкие образы и рьяный патриотизм его часто сравнивали с А. Пушкиным, жизнь которого оборвалась в один год с Леопарди.

И сон был удивителен. Какое-то время я летал по ночному городу в неведомом поиске. Я нуждался в своей новой подружке и нашел ее по запаху мокрых трусиков, хотя даже не мог представить, как именно они пахнут.

Квартира Элис находилась на верхнем этаже Шеппардской кукурузы – казенной многоэтажки, где жили новоиспеченные специалисты. Она уже спала, разметавшись на узкой кровати. Я аккуратно поднял ее, вынес на крышу в одном пеньюаре, и, не обращая внимания на холод, ласкал до тех пор, пока она не закричала.

Только тогда я сорвал покровы с ее восхитительной телесной оболочки. Звезды отсвечивали мне на ее набухших сосках, впадине пупка и ямочках бедер. Перед тем, как войти в нее, я извлек неизвестно откуда взявшийся томик со стихами Леопарди и стал декламировать «Последнюю песнь Сафо»¹⁸.

Элис извивалась подо мной и кричала. Не знаю, что заводило ее больше: навязанный ритм, или мой голос, который звучал все громче в приближении оргазма. Мы кончили вместе, на строчке «приходит миг, и мы у входа в Тартар». Не знаю, что означало это слово, но оно было созвучно с клитором, который я в тот миг теребил...

Проснулся я от громкого стука в дверь. Не понимая толком, который час, я поплелся открывать, хотя даже штаны натянуть не сумел. Стучала, как ни странно Элис. Судя по ее виду, она промокла под сильным дождем. Но беспокоило мою медсестру отнюдь не это...

С порога бросившись на меня, она сунула свой язык мне в рот. От нее странно пахло. Сотней запахов одновременно, один из которых будто бы принадлежал мне.

– Это было невероятно! – прошептала она, стягивая рубашку. – Трахни меня, и почитай еще...

Я не отказался ни от того, ни от другого. Но твердо решил подумать над всем, что со мной было не так.

Чтобы отойти от безбашенного секса с Элис, мне понадобилась еще пара дней. Я пил пиво, смотрел старые детективы, старался ни о чем не думать. Но мысли, как назло, роились в моей голове и подтачивали рассудок своим мерзким тоненьким гулом.

Одно имя жирным шрифтом выделялось среди прочих. Макс Физ. Панк-маньяк, зачем-то вскрывший мой хилый чердак. Ладно бы я числился фанатом этого психа. Но мне даже о группе такой не было известно, пока я не оказался в больнице. Откуда он взялся внутри моего черепа?

Я надеялся, что у этой паранойи окажутся какие-то правила, и можно будет вновь поболтать с Физом во сне. Но ничего подобного не происходило. Едва я закрывал глаза, как кто-то милостиво набрасывал на меня плотное черное покрывало без сновидений.

Нельзя было не чувствовать произошедшую в себе перемену. Я стал иначе говорить, одеваться. Даже походка поменялась. Какое там! Я и думать стал по-другому. Только вот понятия не имел, на кого был теперь похожим. Может, на Брюса Уэйна¹⁹ или однотипных персонажей Клинта Иствуда²⁰?

Однажды для очистки совести я заглянул к своему странному новому другу. Под всеми этими трубками и капельницами оказался тощий молодой человек, старше меня лет на 5-7.

¹⁸ «Последняя песнь Сафо», – одна из знаменитых идиллий Леопарди, написанная в самый плодотворный период жизни поэта (1822-1833 гг.). Переведена на многие языки мира.

¹⁹ Брюс Уэйн – миллиардер, альтер-эго таинственного Бэтмена, вымышленный супергерой, один из самых известных персонажей издательства DC Comics.

²⁰ Клинтон (Клинт) Иствуд-младший – американский актер и режиссер. Обладатель 4 премий «Оскар», Национальной медали США в области искусств, Награды имени Ирвинга Тальберга (за продюсерский вклад в киноискусство). Его «однотипные персонажи», на которых построена ранняя карьера Иствуда – это герои боевиков и вестернов, прямолинейные, несгибаемые борцы за справедливость. Им чужда излишняя сентиментальность и изобретательность, из-за чего они нередко погибали перед финальными титрами.

Его скуластое лицо обрамляли длинные рыжие волосы, рот был погребен под копной такой же растительности. В нем и близко не было той загадки и величия, что выделяла странного человека из паба.

Я вновь почувствовал себя обманутым. Даже пятиминутный трах с Элис на моей бывшей койке не принес мне полного удовлетворения. Я был похож на шприц, набранный до половины. Незаконченное, несовершенное и бесполезное чмо. Дешевая китайская подделка человеческой личности.

А спустя еще неделю домоправитель «с прискорбием сообщил» мне, что намерен выселить меня из регулярно неоплачиваемой квартиры. Я снова наведалься в винный магазин. И напился.

– Ты паникуешь, как писечка маленькой девочки в толпе взрослых дядек, стоит только оставить тебя одного!

Тень не скрывала лицо Макса больше, чем нужно. В колышущемся от сигаретного дыма мраке «Роговицы» я видел то его брови, то губы, то глаза. Какая-то одна часть всегда наблюдалась четко, в то время как все остальные контуры были размыты. Я словно видел кадры из классической «черной» ленты²¹. Кажется, такой прием оператора назывался «голландский угол».

Но даже в этом случае мой «новый друг» выглядел гораздо реальнее своего физического тела. Физ едва не светился от внутренней силы, что переполняла его. Причина моего бешенства наверняка крылась именно в этом – я знал, ЧТО видел, но не получал дополнительных подтверждений этого.

– А зачем они тебе? – вновь спросил он. – Подтверждения? Ты либо видел, либо нет. Сомневаться здесь – дело дурное.

– Но эти сны, – не выдержал я. – Они реальны. Понимаешь? Реальны!!!

Я тут же принялся рассказывать ему о моем приключении с Элис, но вокалист скандальной панк-группы сразу осек меня:

– Если ты думаешь, что я ничего не знаю о твоей жизни – ты сильно заблуждаешься.

– Ты что, следил за мной?

Я молился, чтобы это не было правдой, хотя и сам знал ответ.

– Для парня, который соблазнил медсестру, ничего толком не видя, а потом виртуозно трахнул ее с помощью итальянских стихов, ты задаешь неправильные вопросы! Кстати, как ты проделал фишку с тем рифмоплетом, Лепарди?

– Леопарди, – поправил я, надеясь, что мое лицо не заливают краска стыда. – Не знаю. Как-то само собой вышло...

Я был польщен получить комплимент от рок-звезды, пусть та и пребывала в коме. Но это его всеведение меня не на шутку тревожило. Я бы предпочитал отвечать за свою жизнь самолично, без подглядываний в замочную скважину.

– Какой тебе с меня интерес?

В этот вопрос я вложил все свои силы. И он возымел действие: Физ перестал изучать свои ногти, направив внимание на меня. По-крайней мере одну истину я усвоил твердо: если не знаешь, что солгать, говори правду.

– Знаешь, ты поразительный человек: способность глубоко видеть и анализировать граничат в тебе с редкой, непроходимой тупостью! И главная проблема в том, что ты все еще

²¹ «Черными фильмами» в кинематографе назвали криминальные драмы, популярные в Голливуде в 1940-50 гг. По большей части, такие фильмы отличала атмосфера упадка, пессимизма и отчаяния, характерная для Америки времен Великой депрессии и Второй мировой войны. Сценарий классического нуара базировался на «крутом детективе» американской школы, а многие кинематографические приемы, характерные для этого субжанра, были позаимствованы из немецкого импрессионизма.

думаешь, будто произошедшее с тобой – сон, не более. И что жизнь твоя принадлежит только тебе одному. Эти ошибки – самые распространенные среди новичков, и обходятся они слишком дорого. Больше, чем те могут заплатить. И ты, к сожалению, входишь в их число.

Я чувствовал, что Макс говорит о важных вещах. Но принять истинность его слов мне мешало то самое чувство, уже упомянутое им: я действительно думал, что все происходящее – всего лишь сон. Поэтому больше с ним не спорил. Мне просто нечего было сказать.

– Любые вопросы в твоей ситуации – необычайная глупость, – он пристально посмотрел на меня. Эти глаза с серебристой радужкой и кровавыми прожилками напоминали мне то самое ОКО, что таращилось из зеркала при первом посещении «Роговицы». – Ведь истина может быть настолько странной, пугающей, чуждой твоему пониманию, что никакие слова не смогут отразить ее сути. Быть неосознанным Сновидцем – все равно, что гулять по набережной Орфевр без трусов. Все видят, как мельтешит при ходьбе твое хозяйство. Все, кроме тебя одного.

Тут я не выдержал и вмешался:

– Сновидцем? Кто это? Или что?

Макс скривился в великом презрении. Я понял это, потому что мне были хорошо видны его губы. Тонкие, идеально очерченные. Думаю, у него не было недостатка в поклонницах, даже когда о его группе еще никто не знал.

– Видишь? Ты все равно нуждаешься в определениях. И я не знаю, что именно тебе сказать, потому что этих определений могут быть десятки – и все отчасти правдивы. Сновидец – это не профессия. Скорее, состояние. У него много удивительных качеств, а возможности если не безграничны, то весьма велики. Но штука в том, что стать сновидцем нельзя. Им нужно родиться.

– Так я что, типа Нео из «Матрицы»?

К счастью, мой новый друг проигнорировал эту реплику.

– В данный момент ты – нуль без палочки. Кусок мяса, который даже не требует разморозки. Ты ходишь по краю собственной могилы, и не пройдет много времени, как ты окажешься на ее дне. Не удивлюсь, если оступишься сам. Но могут и подтолкнуть...

– Подтолкнуть? Кто?

– Те, кто способен перемещаться по мирам Бессознательного так же свободно, как и Алек Сомна. То есть ты.

Я потряс головой, пытаюсь осмыслить услышанное. Но все казалось мне слишком странным, чтобы так просто поверить.

– А разве я могу, ну, перемещаться?

Макс тяжело вздохнул. Видно было, что его терпение на исходе. Но он еще не оставил попытки в чем-то меня надоумить.

– Ты проник в сознание мисс Непорочной-Медицинской-Сестры, – надежда панк-сцены стал загибать пальцы, перечисляя мои подвиги. – Навязал ей секс, используя один из сокровенных образов, что она хранила в своем подсознании – а сделать это очень непросто. При этом ты загнипнотизировал ее, наказав отыскать твою квартиру – и бедняжка нашла ее! А потом ты сумел повторно отыскать дорогу сюда, в «Роговицу», хотя я тебе не помогал. При этом ты действовал по наитию, не понимая толком, что происходит. Завидный потенциал, ничего не скажешь...

На миг в глазах Макса мелькнуло уважение, но хитрый неведомый оператор тут же направил свой объектив на его руки. Видимо, мой новый друг не любил, когда его «светили» за проявлением эмоций. Самое удивительное, что я на минуту поверил всему, что говорил этот человек. Но хватка моего рационального Я была еще слишком сильна.

– Если я настолько крут, почему ты говоришь, что с новыми способностями мне не выжить?

– Потому что ты не желаешь учиться! Основа успеха сновидца – это гибкий, подвижный ум, умеющий принимать информацию и адаптироваться, согласно полученным данным. Сновидец должен, нет, ОБЯЗАН учиться, даже находясь в шаге от смерти. Только так мы и выживаем. Но мистер Сомна все мои слова подвергает сомнению. А ведь я даже не начинал тебе вредить.

С этой позиции на свое положение я еще не смотрел. Вообще-то, Макс Физ знал обо мне пугающе много. Даже этот последний прием он позаимствовал из моего прошлого: мистер Ли на уроках истории всегда обращался ко мне в третьем лице. Он знал, что меня это злило. Но так мое внимание обострилось. Теперь об этом знал и Макс.

– А зачем тебе вредить мне?

Он пожал плечами:

– Таков ритуал человеческих взаимоотношений. Все вредят друг другу, осознанно, или «желая добра». Но этот факт остается неизменным. Может быть, так мы уравниваем гармонию, что объединяет вселенные...

– Все-таки я не понимаю...

– Я знаю, друг мой, – эти слова Макс сказал на удивление мягко, как доктор, который сообщает своему пациенту, что тот неизлечимо болен. – И это тебя погубит. Ты уже вышел на Тропу и обратил на себя внимание. Реакция последует очень скоро. И я советую тебе подготовиться.

Тут он щелкнул пальцами и потушил сигарету, давая понять, что аудиенция окончена. Тайный режиссер показал мне крупный план его глаз – в них застыла печаль. Похоже, Макс действительно думал, что больше меня не увидит.

Это разозлило меня не на шутку.

– Ты что же, похоронил меня? – крикнул я. – Может, и священника уже уведомил? Кто будет в этой роли: колдун вуду или Санта-Клаус с кроличьими ушами?

– Можешь выбрать на свой вкус, – подыграл он. – Это все равно не имеет практического значения.

– Может, поспорим?

В яблочко! Глаза моего нового друга азартно блеснули, хотя он и попытался это скрыть.

– Две недели. Это максимум, который тебе светит при твоём дьявольском везении!

Не густо. К тому же говорил он серьезно, что меня совсем не обрадовало.

– А что взамен? – спросил я.

– Если ты выживешь в течение этого срока и не сойдешь с ума, – прозвучал в отдалении его голос, – я буду отвечать на любые твои вопросы, пока тебе не надоест их задавать.

Глава III

«Делать хорошую мину при плохой игре». Никогда не понимал толком, что означает данная фраза. До этого момента. Все мы, конечно, ходили в школу. Даже большинство современных бомжей, в той своей, «цивильной» жизни... Там были строгие дядьки и тетki, которые якобы учили нас тому, что, по их мнению, могло пригодиться нам в будущем.

До сих пор помню миссис Стинсон, невероятную толстуху, облаченную в доисторическое платье с запахом нафталина. Ее щеки надувались и тряслись от злости, когда я мямлил во время очередного своего ответа. *«Запомните, молодой человек», – кричала она, «если вы вдруг окажетесь в Бангладеш, никоим образом не говорите тамошним жителям, что это – столица Ливана!».*

Что она вела, географию? Вот ведь шутка: этого предмета почти не помню, а вот образ преподавателя отпечатался в памяти, как тавро на крупе у мерина. Или огромный физрук Мак-Каферти, который всерьез считал, что ни один пацан не вправе называться *«мужчиной»*, если не сдюжит 10 подъемов с переворотом за раз. *«Человек»* в его понимании должен был выполнить 15 этих долбанных переворотов...

Но взрослая жизнь оказалась более прозаичной, чем нам внушали учителя. Впахивая на службе доставки United Corporation, я повидал сотни успешных людей, которые и слухом ни слыхивали, что за зверь этот Бангладеш, да и подтянуться на турнике не смогли бы даже под угрозой инфаркта...

Оказалось, что доблестные педагоги ни хера не знали. Они забивали наши головы мудреным фаршем, точно кулинары салями. Там было намешано все, от пятитопного ямба до формул дифференцирования, от распотрошенной лягушки до гипоталамуса... Все, кроме тех знаний, что действительно нужны каждому. Поэтому самые важные уроки жизни мы учим в одиночку. И, как правило, на ходу, со всех сторон окруженные конкурентами.

Мой первый урок, например, был мне преподан неким психом, утверждавшим, что он – вокалист лучшей панк-группы со времен The Ramones. При этом, «наставник» сам уже несколько лет числился коматозником, а наша беседа проходила в вымышленном месте. Черт, звучит как сюжет низкобюджетного триллера с Сарой Мишель Геллар²² в главной роли!

Признаюсь, я почти не поверил услышанному. Но и отвергать все слова моего нового друга не стал – слишком уж много было странных совпадений. Ведь как говаривал один из сыщиков Дэшила Хэммета²³: *«Любое совпадение в нашем деле – лишняя сотня баксов, сынок!»*²⁴. А это уже кое-чего стоило.

Во-первых, раньше я никогда так четко, до мелочей, не запоминал свои сны. Не скажу, что мне ничего не снилось – снилось, и еще как! Но к полудню я едва мог описать сюжет увиденного, а вечером и этого не помнил. Теперь же чертова картинка висела перед глазами, как приклеенная, стоило только зажмуриться. И с этим ничего нельзя было поделать.

Я аккуратно спросил у Элис, мол, может ли травма головы (пусть и легкая) вызывать такие симптомы. На что она ответила: *«Человеческий мозг изучен лишь на 10-15%, а у того, кто способен во время секса читать стихи – только на 7%»*. А потом неизменно тащила меня в постель, из-за чего все проблемы получали временную отсрочку.

²² Американская актриса, известная по главной роли в подростковом сериале «Баффи – истребительница вампиров», выпускаемом телеканалом The WB с 1997 по 2003 гг.

²³ Дэшил Хэммет (1894-1961 гг.) – американский писатель и критик, автор классических детективных историй, один из создателей субжанра «нуар». Многие из его каноничных сюжетов, такие как «Мальтийский сокол», «Стеклянный ключ», «Перекресток Миллера» были экранизированы и являются классикой мирового кинематографа.

²⁴ Фраза из романа «Мальтийский сокол», принадлежавшая главному герою, детективу Сэму Спейду.

Во-вторых, у меня обострились разного рода предчувствия. Нет, я не стал мнительной старушонкой, у которой начинался припадок от вида рисунка в кофейной гуще. Но я точно знал, что если мне не хочется в данный момент выходить из квартиры, то лучше этого не делать. Однажды я кстати вспомнил о забытом дома подарке для Элис, из-за чего избежал столкновения с кирпичом, который откололся от края балкона и упал на то место, где секунду назад пребывала моя персона. А когда я неожиданно завел беседу с барменом о перспективах футбольной сборной Пиблса, это спасло меня от встречи с бандой «Крысиные хвосты». Как мне потом сказали, один из них проиграл в карты жизнь случайного прохожего. И у меня были все шансы стать его жертвой...

В-третьих, я стал иначе смотреть на окружающие меня вещи. В куче безделушек я, к своему удивлению, мог обнаружить талисман, который... работал! На стенах старых домов я вдруг видел проступившие надписи, которых раньше не замечал. Вырезанные на кирпичках либо начерченные углем или мелом, они словно были сделаны на чужом языке. Понять его я не мог, но чувствовал что-то зловещее в этих таинственных знаках, хотя у других людей они не вызывали никаких эмоций... Краткие поиски в городской библиотеке ничего не дали, и я решил на время отложить их исследование.

В-четвертых, мысли прохожих перестали быть для меня загадкой. Нет, голосов в своей голове я не слышал, но точно ЗНАЛ, что сейчас сделает тот мужчина в сером костюме от Hugo Boss, или та брюнетка в клетчатом платье. Последнее свойство я находил забавным, но очень скоро понял, как хорошо мне жилось, когда я не знал всего этого.

Конечно, это были не те способности, о которых говорил Макс Физ. Но и того, в чем я смог разобраться, хватало, чтобы по коже победным маршем шествовали мурашки. Если не считать того, что я одновременно потерял и работу, и крышу над головой, жить это не мешало... Элис взяла меня к себе, поэтому я не парился. Напрягало лишь едва заметное предчувствие, что проблемы только начинаются. Я старался не придавать этому значения. Иногда получалось.

Что меня частенько спасало, так это наблюдательность. Даже на прежней работе подобное качество было сравнимо с золотой жилой. Скуденькой такой, но бесперебойной. Кому рассказать плаксивую историю, чтобы шибануть десятку фунтов поверх чаевых; перед кем заломить цену, ссылаясь на непреднамеренные расходы, да еще сделать это так, чтобы не прознало начальство – все решал мой наметанный глаз. Хотя нет, дело не в глазах. Просто во мне всегда это было. Предчувствие? Интуиция? Может, и так...

«Как висяк не назови, стоять от этого у тебя не будет!» – ворчал мой дедушка, и был прав. Но иногда я знал, что скажет незнакомый человек в следующую секунду. Это давало мне преимущество, которое можно было превратить в деньги. Хотя и обломы случались. Главное здесь было – не перегнуть.

Поэтому когда Элис потащила меня знакомиться с родителями, я не протестовал. Чертовы старики заставляли мою натуру паниковать, что в отместку сменялось чувством собственного превосходства. Мол, глядите на меня, старые перенцицы: я молод и красив, хоть и беден, а вы уже двумя ногами стоите в могиле, так что дорогу! Дешевая бравада, я знаю. А все из-за страха когда-нибудь превратиться во что-то подобное.

Надо отдать моей развратной медсестре должное: она удивлять умела. И делала это эффектно. Чего стоит этот ее поход в клинику для раковых больных. Оказалось, что ее матушка смертельно больна. И болезнь эта вошла в последнюю стадию, из-за чего бедняжка по большей части пребывала в тяжелой морфийной отключке.

Это было мое самое странное знакомство с родителями. И самое быстрое. Торжественная стерильность палаты, мерное тиканье приборов жизнеобеспечения... Никаких анкетных

вопросов, неловкости, фальшивых любезностей. Просто тело немолодой женщины, стремящееся вернуться к своему естественному состоянию – вечного сна.

Элис тихо поздоровалась с мамой. Присела на край кровати. Взяла женщину за руку. Когда назвала мое имя, глаза под ее веками чуть шевельнулись. Я старался не смотреть в сторону больной, но даже короткого взгляда хватило, чтобы отметить: былая красота матери передана ее дочери в полной мере.

Затем последовало краткое прощание. Поцелуй в лоб. Тихий скрип двери. Все!

Пожалуй, в этот миг я понял, что Элис – лучшая девушка, которую я встречал в своей жизни. Но было и еще кое-что. Считайте меня бесчувственной скотиной, но, покидая палату, я заметил серьги в ушах больной. Серебряные серьги с большими красными камнями. Рубинами. Они слабо пульсировали в лучах кварцевых ламп, будто два маленьких сердца, заключенных в кристаллы.

Конечно, дело было не в украшениях. И даже не в их хозяйке. Они послужили мне лишь зацепкой, крючком, на который были нанизаны таящиеся во мне воспоминания. Когда мы покидали хоспис, в небе кружили вороны, оглашая мир своим зловещим карканьем. Их уродливые силуэты напоминали замочные скважины, которыми были усеяны облака.

Напротив хосписа стояла небольшая часовня. Перед входом в нее застыл коленапреклонный мраморный ангел. Его руки были сложены в молитвенном жесте. Смотрел на него я уже с земли, распластаный неведомой силой. В голове больно гудело, перед глазами кружились образы, разрозненные картинки.

Я хотел успокоиться, взять себя в руки, но чем сильнее пытался, тем хуже мне было. Волны дурноты накатывали снова и снова. В ушах выл нестройный хор голосов. Я чувствовал, как трещит по швам мое сознание, как безумие давит на виски тяжестью десятков вселенных. Мечтая потерять сознание, я закрыл глаза и отдался мутному потоку из снов.

Мне показывали удивительные вещи, в сравнении с которыми даже полотна Босха – детские раскраски. За такие видения наркоманы всего мира не раздумывая расстались бы со своими душонками. Даже охотники за картинками²⁵ захлебнулись бы слюной. Жаль, что я ничего не помню...

Кроме одного. Ангела-Ворона. Тахина²⁶ с человеческим телом и огромными крыльями. Он был одет в серую хламиду и сжимал в руке вопросительный знак. В его птичьих глазах сверкали звезды чужих миров, а биение сердца эхом отдавалось в моем горле. Это существо так четко врезалось в мою память, что я могу нарисовать его с закрытыми глазами. Даже теперь.

Но то было не главное. Я знал, что Ворон реален. Что я уже видел его. В этом самом городе. Быть может, не прямо сейчас, не в ту секунду, когда Элис пыталась сделать мне искусственное дыхание... Я просто знал, что скоро тахин появится вновь. Он будет маячить у всех на виду, может быть, просить милостыню или открывать двери прохожим. Но он точно БУДЕТ.

И я даже мог сказать, где именно.

Три года назад в Пиблсе произошло жуткое событие. Сгорел Университет²⁷ – место притяжения различных странных субъектов, называвших себя учеными темных искусств. Не знаю, что преподавали там эти люди, но с их появлением в городе стало небезопасно. С наступлением темноты никто из моих знакомых на улицу не высовывал носа без надобности. Поэтому, когда скандальное расследование нашей доблестной полиции привело к захвату Университета

²⁵ Алек имеет в виду художников, режиссеров и всех тех, кто создает постановочное искусство, видит мир «в кадре».

²⁶ Тахин (англ. «taheen») – антропоморфное существо с головой птицы или животного. Слово, определяющее этот мифический образ, было введено в литературу американским фантастом С. Кингом. С тахинами писатель связывал первобытные темные силы, присутствующие в мирах с момента их зарождения. В цикле романов Кинга «Темная башня» они выступают в качестве главных антагонистов.

²⁷ Более подробно об этом месте см. в романе С. Кама «Бесолов».

и обширному его возгоранию, мы были только рады. Пожалуй, то был единственный раз, когда я выказал расположение нашим легавым.

Знаменитый пожар был устроен с размахом. В его пламени погибла большая часть обитателей Университета, а все корпуса, включая прилегающий парк, превратились в пепел. Несмотря на давность события, воздух там по-прежнему пропитан гарью и запахом паленой плоти.

Это место всегда считалось проклятым. О народе, который оно притягивало, как магнитом, ходила дурная слава. Но даже после этой жуткой трагедии всяких отщепенцев там только прибавилось. Готы, некрофилы, психи, извращенцы – лишь малая часть персонажей, облюбовавших живописные развалины Университета. Эта публика была настолько отталкивающей, что рейсовые автобусы, проезжавшие мимо, перестали делать там остановку. Даже не всякий таксист отваживался на путешествие по пожарищу, если у его клиентов вдруг появлялось такое странное желание.

Короче, возможности попасть в Университетский квартал оказались ограничены. Но все же они были. Когда я сказал о своих намерениях Элис, она посмотрела на меня тем сочувствующим взглядом, которым одаривают впечатлительных детей: мол, *«бедное мое солнышко, тяжело тебе в жизни придется...»*. Мне и самому эта идея казалась бредовой, только она застряла в мозгу раскаленной иглой и мучила нестерпимо. Я был готов, что моя подруга покрутит пальцем у виска или позвонит психиатру, но ее желание составить мне компанию лишило меня дара речи. Я бы всерьез начал за нее беспокоиться, если бы не был так занят собой.

Таксист тоже ломался недолго. Наверное, он просто не понимал сути нашей просьбы. Его выдавал маслянистый блеск в глазах, зрачки которых почти поглотили радужку. Очевидно, что того количества опиатов, которые он принял, могло хватить на целое реанимационное отделение. Ехать с ним мне хотелось еще меньше, чем переться к Университету на своих двоих, но альтернативы я не видел.

Глядя, как мимо проносятся фасады зданий Биг Тауна, я даже подумал, что сегодня один из тех редких дней, когда все происходит так, как ты хочешь. Правда, это ощущение покинуло меня, когда в нос ударила вонь пожарища. И без того серое небо поблекло еще больше, как будто все краски из округа отсосали гигантским шприцем. Осталась лишь серая обойная подложка, до смерти тоскливая.

Развалины корпусов торчали из земли, как объедки с дьявольского пира. Между ними бродили редкие фигуры торчков. Ветер лениво пинал многочисленный мусор, что оставили после себя ночные гости. Картина была безрадостная и как нельзя лучше подходила для съемок постапокалиптического фильма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.